

В.М. АЛЛАХВЕРДОВУ – 60!

Когда читатель встретится с этой заметкой, уже отгремят фанфары, погаснут свечи, и занавес действия под названием «Юбилей В.М. Аллахвердова» будет опущен. Возможно поэтому, взгляд, не отягощенный эмоциональным возбуждением праздника, может представить определенный интерес.

Думаю, что у большинства людей, когда-либо слышавших или видевших В.М., при воспоминании о нем первая реакция – это улыбка. А еще – обязательно – мягкая интонация голоса спокойно или восторженного. Лично я не знаю ни одного человека, кто считал бы себя врагом В.М.! Есть ли они на самом деле? Думаю, что нет? Почему так? И хорошо это или плохо?

Сколько я знаю В.М., а это, по меньшей мере, лет 36–37, он не сделал плохо ни одному человеку. Ему абсолютно не свойственны негативные оценки других людей. В любом он старается найти то, чем можно его поддержать. И это отнюдь не проявление беспринципности, это

позиция нравственного человека, человека видящего в другом прежде всего человека, с которым ему изначально интересно, человека, предлагающего другому открытое и равноправное общение, человека, для которого в центре внимания частной ли беседы, научной ли дискуссии всегда на первом месте две вещи: уважение к позиции другого и стремление как можно ближе подойти к неуловимой истине.

Со студенческих лет В.М. принадлежала только одна роль – роль звезды. Он был звездой на своем курсе, на факультете психологии ЛГУ: ну как не вспомнить знаменитого президента столь же знаменитого студенческого клуба «Леонардо», известного большей части интеллигенции тогдашнего Ленинграда. Он стал звездой на организованной им кафедре психологии в ЛИИЖТЕ (Институте железнодорожного транспорта) – первой среди технических вузов страны. Он стал звездой и своего рода гуру для студентов его родного факультета психологии теперь уже СПбГУ

с первых дней его появления в студенческих аудиториях. Эта роль принадлежит ему и сейчас, независимо от того, где и с кем он оказывается. Возможно, единственное место, где он исполняет роль второго плана, — это его семья. Возможно, это и не так, но это мое видение. И семья платит ему всемерной поддержкой во всем, что он делает вне нее и не делает в самой семье. Она принимает его таким, каков он есть: уравновешенным, слушающим, помогающим, очень много работающим на науку, общественные организации, друзей, знакомых и не очень, — короче на всех, кто обращается к нему за советом или помощью. Есть ли у него недостатки? Наверное, и даже точно есть, но они либо микроскопичны, либо подобны хилей травке, не способной пробиться к свету среди мощного леса его достоинств.

Именно эти несомненные достоинства его личности так привлекательны для всех, кто хоть раз встречался с ним. И именно эти достоинства становятся ядром центробежных сил, заставляющих других крутиться на заданных им орбитах. Ярким тому примером было его президентство в клубе «Леонардо», а ныне, примерно последние 8–9 лет, — президентство в Санкт-Петербургском психологическом обществе. Не думаю, что это будет большим преувеличением, но само существование общества во многом связано с тем, что его руководителем является Виктор Михайлович. Именно он стоял у истоков его рождения, и, несмотря на то, что уже прошел первый пятилетний срок его президентства, он продолжает им руководить. И не потому, что им движет необузданный инстинкт власти (его нет и в помине), а потому, что на этом настояли члены Координационного совета Общества. Не мне, как одному из членов этого Совета, судить об эффективности нашего Общества. Но думаю, что это одно из самых живых и действующих общественных психологических сообществ. И те

из читателей, кто был участником съезда психологов в г. Санкт-Петербурге в юбилейном для города году, скорее, согласятся с этим утверждением.

Безусловно, что авторитет В.М. среди всех членов психологического сообщества страны зиждется не только на его человеческих качествах, но и том вкладе, который он сделал в отечественную, по меньшей мере, психологическую науку. Я не собираюсь приводить все имеющиеся для этого доказательства. Остановлюсь только на самых последних, которые в памяти у многих.

Совсем недавно, сначала в октябре и в следующем месяце — ноябре — все мы праздновали сорокалетние юбилеи двух факультетов психологии г. Санкт-Петербурга и г. Москвы. И я обратил внимание на то, что в центре внимания большинства участников прошедших по этому поводу конференций были фундаментальные, то бишь теоретические проблемы психологии, в том числе и методология психологии. Именно эти секции стали самыми многочисленными, а представленные темы — активно обсуждаемыми. Уверен, что одним из источников такого внимания стала неудовлетворенная потребность психологов в идеях, которые могли бы помочь выбраться психологии из методологического болота, куда она съехала благодаря модной ныне постмодернистской парадигме¹.

И такая идея была предложена В.М. Старая как мир, существовавшая задолго до того, как родилась наука психология. Это идея СОЗНАНИЯ. Действительно,

¹ Убежден, что следование этой парадигме ведет к размыванию естественно-научных оснований психологии, и потому некоторые дипломированные психологи мало чем отличаются от различного рода прорицателей, экстрасенсов и иных «целителей», поскольку, если мы принимаем «методологический плюрализм», почему мы должны отказывать этим ребятам в справедливости их методов и техник, с помощью которых они предлагают страждущим свои пути исцеления.

время, когда эта проблема активно и все-ррез обсуждалась отечественными психологами, как сказали бы немцы Plusquam-perfekt – давно прошедшее. С тех пор психологи вынуждены говорить о сознании не в психологической парадигме ввиду ее отсутствия, а в философской. Понятно, что это не могло удовлетворить ни самих психологов, ни тех, кто так или иначе соприкасался с этой проблемой. Неудачи же в разрешении многих психологических проблем, судя по всему, связаны с неразрешенностью главной проблемы в психологии – проблемы сознания.

Немного найдется авторов, готовых с естественно-научной точки зрения броситься в омут этой проблемы, не рискуя при этом утонуть в нем. Виктор Михайлович Аллахвердов был первым среди современных психологов, кто сделал этот шаг и, к счастью, не утонул в ней. Значимость этого шага весьма велика. Во-первых, выдвинута собственно психологическая гипотеза относительно механизма сознания, а во-вторых, актуализированы теоретические, фундаментальные проблемы психологического знания. Это особенно важно для современной отечественной психологии, в которой в силу конъюнктурных соображений, в основном экономического порядка, пышным цветом расцветают порой красивые, но редко приносящие плоды растения. Хочу быть правильно понятым. Я за развитие прикладной или как ее еще называют практической психологии. Но я не верю в устойчивость большого дома, при отсутствии у него фундамента. Теоретическая психология – это фундамент большого психологического дома. И пренебрежение им – залог того, что психология так и останется на периферии науки. Это в мифологии несчастная девушка, став возлюбленной Аполлона, по его просьбе перед властителями Олимпа стала богиней Психеей. Увы, в жизни нужно постоянно доказывать обоснованность своих притязаний.

Несколько слов об особенностях, как сказали бы психологи, когнитивного стиля мышления самого В.М. Думаю, что движущей силой его научного творчества является ПАРАДОКС. Француз Пьер Буаст сказал, что «парадоксы нужны, чтобы привлечь внимание к идеям». Как мне кажется, пока что В.М. все еще пытается привлечь внимание научной общественности к своим идеям, хотя большая часть этой общественности снисходительно от-малчивается. Поначалу это обескураживало В.М., но потом, поняв в чем причина этого, а она оказалась предельно банальной: его просто либо не читали, а те, кто читал, не понимали, он приступил, выражаясь военным языком, к «осаде крепости». Открытые дискуссии, лекции, популяризация своих идей в научной литературе (вспомним восхитительные «Психологию искусства» или «Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания») – все это стало арсеналом используемых им средств на пути ликвидации пассивной бессознательности психологов. При этом В.М. руководствовался, по-видимому, еще одним тезисом относительно роли парадоксов в познании, тезисом еще одного любителя парадоксов – англичанина Оскара Уайльда: «Путь парадокса – это путь истины». Думаю, что основная трудность, испытываемая многими при чтении книг В.М., – это несовпадение стилей мышления автора и читателя. Ярко выраженный дивергентный или, как выражаются его друзья, перпендикулярный – у автора и, к сожалению, конвергентный – у большинства читателей. Благодаря ему Виктор Михайлович строит модель новой психологии, которая, по его убеждению, должна стать наукой XXI и XXII вв. Я хочу пожелать ему не сходить с избранного им пути, а своим коллегам-психологам – быть внимательнее к тому, что он пытается делать.

В.А. Аверин